

The image features a repeating geometric pattern of interlocking triangles and hexagons, creating a three-dimensional effect. This pattern forms a border around a central rectangular area.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАБЛИК-АРТ ПРОЕКТ

**(ИЗ)ОБРЕТАЯ
ПУБЛИЧНОЕ:
СЕАНС
ГОСТЕПРИИМСТВА**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАБЛИК-АРТ ПРОЕКТ

**(ИЗ)ОБРЕТАЯ
ПУБЛИЧНОЕ:
СЕАНС
ГОСТЕПРИИМСТВА**

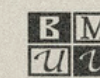
Robert Bosch Stiftung

ПРОЕКТНАЯ
ИНИЦИАТИВА

РЕУСА

ANTON
VELICHKO
WORKSHOP

Антон
Вальковский

Волгоград - это «город-вокзал».

Чемпионат мира по футболу с его высокими стандартами гостеприимства и значительными инфраструктурными изменениями ставит перед городом новые вызовы. Но потребность в технологиях гостеприимства в регионе всегда стояла особенно остро, делая гостеприимство одной из характерных черт территории.

Волгоград — один из самых полиэтнических и поликонфессиональных городов в России — стал домом для многих поколений переселенцев: начиная с казаков, основавших крепость на другом берегу Волги, и немцев-гернгуттеров, создавших собственную идеальную — и во многом утопическую — модель сообщества в Старой Сарепте. После Великой Отечественной войны город воссоздавался заново населением, прибывавшим из различных уголков и республик Советского Союза. Активные миграционные процессы продолжаются и в последние 40 лет: на земли страны возвращаются репатрианты, некогда депортированные на территорию Казахстана; беженцы из Луганска и Донецка; выходцы из Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Все они также нуждаются в технологиях гостеприимства, как и гости Чемпионата мира, но они обладают и своими — традиционными — обычаями радушия: говорим ли мы о дагестанской традиции куначества или о высокой культуре гостеприимства в Осетии, где один из центральных небожителей — Уастырджы, — за которого произносится центральный тост в рамках традиционного осетинского застолья — является покровителем путников.

Волгоград — это город с удивительной экономикой памяти. Люди, десятки лет живущие здесь (иногда даже не в одном поколении), по-прежнему не идентифицируют себя с территорией. Думают, что «они здесь ненадолго», планируют переехать, продолжить свой путь в поисках финальной точки своего назначения. С отсутствием идентификации с территорией связано и отсутствие культурной преемственности и удивительная культурная «амнезия»: жители города не помнят, что происходило в нем 20, 10 или даже 5 лет назад. Волгоград застрял в 200 днях войны как в посттравматическом синдроме, все время воспроизводя одну и ту же историческую травму, и не имея возможности моделировать сценарии будущего.

Враждебность подчас становится ролевой моделью. Мы воспроизводим ее снова и снова. Модус войны — это наше испытание. Террористические акты породили страх перед Другим и исламофобию: волгоградскую мечеть несколько раз пытались поджечь, а девушек в традиционной исламской одежде настойчиво призывали покинуть общественный транспорт. Музей Старая Сарепта, который, казалось бы, должен говорить о наследии переселенцев трехсотлетней давности, превращает

свои здания в Рейхстаг и разыгрывает сцены его взятия. Война для жителей города, все чаще надевающих военную форму по праздникам, становится косплеем. Воспитательница детского сада ставит детей на колени, выкладывая из их тел цифры и слова. Депутат Государственной Думы стоит на Мамаевом кургане с детьми, наряженными в военную форму. Дети поют песню о том, как с радостью умрут, если главнокомандующий позовет их отвоевывать Аляску. В стране, где люди забыли, что такое страх войны и радостно выбирают имя оружию массового поражения, Волгоград задает стандарты враждебности.

Мы не умеем искать консенсус и солидарность. Нам нужно научиться выстраивать взаимоотношения, дружить и сосуществовать друг с другом. Футбол — это продуктивная модель агонизма, которая может помочь нам не противостоять друг другу, а объединяться. Точнее обсуждать друг с другом ключевые проблемы и вызовы. Даже если Чемпионат разрушает городские общественные зоны или создает напряжение между сообществами.

Иммануил Кант как-то отметил, что гостеприимство конечно. Оно ограничено наличием времени и поведением гостя. Гостеприимство как сеанс, имеющий точку начала и точку завершения. Мы должны научиться перестать мыслить отрезками / отрывками / урывками, потому что мир больше не делится на Наше и Чужое. «Никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте Земли».

#publicartvlg

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАБЛИК-АРТ ПРОЕКТ

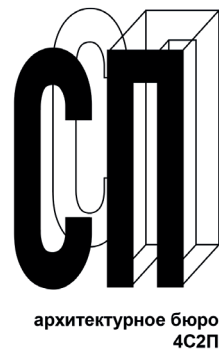
**(ИЗ)ОБРЕТАЯ
ПУБЛИЧНОЕ:
СЕАНС
ГОСТЕПРИИМСТВА**

ОТКРЫТИЕ 16 ИЮНЯ 2018
18:00 БЫВШИЙ КИНОВИДЕОЦЕНТР
улица Советская, 47а

vk.com/publicartvlg
facebook.com/groups/publicartvlg
[#publicartvlg](https://twitter.com/publicartvlg)

Robert Bosch Stiftung   ПРОЕКТНАЯ ИНИЦИАТИВА REYCA ANTON VELCHKO WORKSHOP

БЮРО «4C2P»

Как формат гостеприимства кочует во времени и в разных пространствах? Как он функционирует сегодня?

В настоящее время гостеприимство как ритуал уходит из дома: связь между жилищем и застольем разрывается, а сам ритуал вытесняется в отдельные резервации (кафе и рестораны). Свадьбы, похороны и дни рождения — все ключевые обряды перехода, сплавляющие сообщества, — выносятся за пределы жизнеобитания. Стоит ли оценивать этот процесс как позитивный или негативный — сложный вопрос. Например, в осетинской культуре сакральные пространства «пересобираания» сообщества всегда были чем-то отделенным от «хрущевок» и «брежневок»: говорим ли мы о священном дзуаре или о хадзаре, как автономном месте социального обмена.

Застолье — это, с одной стороны, открытая (иногда — хаотичная) система, которая формирует и сплавливает сообщество, а с другой — система ритуализированная: предполагающая жесткие рамки последовательности, сценарность, строгий порядок смены блюд, раскладки и порядка тостования.

В инсталляции разыгрываются два контекста: традиционного осетинского застолья и советского коммунального. Но поглощение еды — не самоцель, поэтому на столе исключительно скудная (а не по-кавказски богатая) пища.

Застолье начинает вести хиштар: его задача — рассказать о традициях осетинского застолья — пожалуй, одном из самых впечатляющих образцов гостеприимства. Даже в очень усеченной туристической версии — это всегда тяжелое, но очень приятное испытание. Для того, кто прежде не сталкивался с осетинским застольным этикетом, наличие многих неписанных правил и ограничений, которых в Осетии до сих пор придерживаются за официальным столом, может показаться непривычно-странным и излишне строгим. Эти ритуалы возведены в ранг высокого искусства. Гость — всегда сакральная фигура: второй тост всегда посвящен Уастырджы — покровителю путников. Осетинское застолье — это история о сакральном воспроизводстве сообщества. Это коллективная форма культа и молитвы, где стол и есть алтарь и форма жертвоприношения. Алтарь, который всегда с тобой. Церковь, которая есть всегда, где наличествует минимальное сообщество.

Коллектив архитекторов нарочито создает максимально дискомфортное место — прямая аллюзия на фильм «Москва слезам не верит»: стол проходит через дверные проемы, но люди упорно не обращают внимания на физические и материальные ограничения среды. В инсталляции зрители должны физически соприкоснуться друг с другом, толкаться, вступать во взаимодействие, даже если они и не принимают участия в трапезе: стол располагается на пути движения гостей по экспозиции. Тело

замкнуто в узком объеме и привязано к столу — одновременно простая и изящная метафора о социальности архитектуры.

Сумрачный и направленный свет в инсталляции отрезает все лишнее и переносит акцент со стен на стол, который, таким образом, визуально повисает в безвоздушном темном пространстве как на полотне Тинторетто. Люди обходят стол справа и слева в бесконечном потоке. Хиштар как константа продолжает методично транслировать традицию. Поколения сменяют поколения, но ритуал возобновляется, и сплавливает эти поколения в единое социальное целое.

Стол в инсталляции мыслится как открытая модель, универсальная форма и формат, одновременно метод и средство с пластичным содержанием: каждый из участников мог опробовать свои модели застолья и предложить собственные регламенты. Собственно, архитектура — это и есть чистая форма, которую мы сами обогащаем символическим наполнением.

Отдельные сценарные триггеры (переизбыток алкоголя и недостаток еды) были спланированы для постепенной хаотизации и саморазрушения четко регламентированной системы. Бутылки падают на стол, посуда бьется, громкость голоса повышается. Кто-то сдирает занавеску.

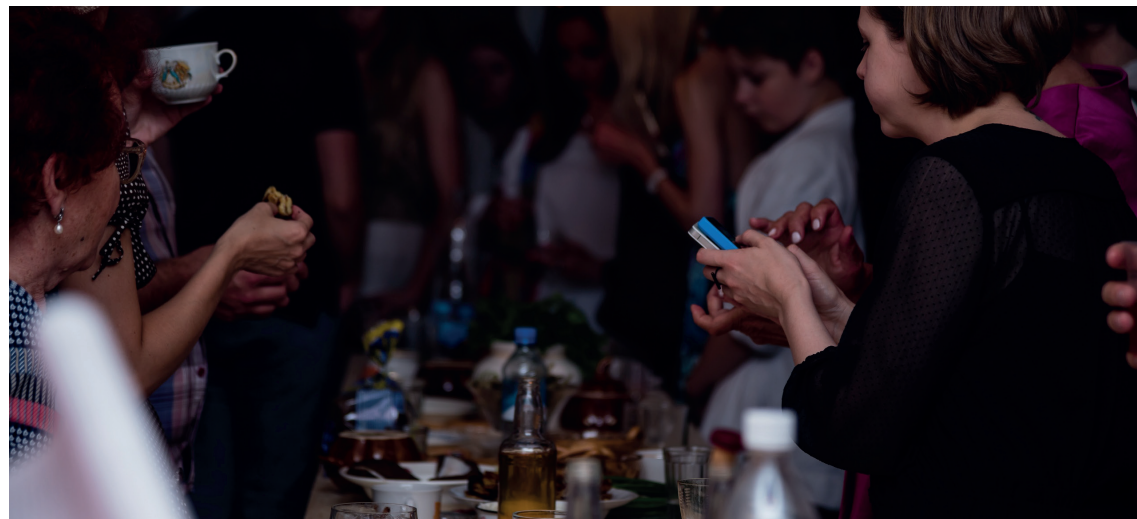

«Что-то вы рано?!»
«А мы дома перед выходом поели»
«Что же вы не позвонили?!»
«Я только на рынок собралась...»
«Да мы на минутку»
«А мы вино принесли»
«Только Сереже завтра с утра на работу, поэтому мы ненадолго»
«Ну давайте я вам с собой положу!»
«Подумали, вдруг вы дома...»
«Да я же за рулем» (с огорчением)

Стол — центральный атрибут гостеприимства. С появлением в доме гостей, незваных или приглашенных, стол трансформируется из предмета повседневного, пассивного, в активно действующий. Он перегораживает пространство комнаты, в которой стоит. Мешает перемещению участников застолья. Вместе с тем, вынуждает их к коммуникации друг с другом, когда необходимо пробираться к своим местам или выходу, передавать салаты и налить напитки. И главная функция стола — он алтарь, на который снесены все припасы хозяев. Через него гость проходит инициацию из «чужого» в «своего». Отказавшийся разделить с хозяином трапезу, вызывает подозрение и, возможно, враждебен. Гостеприимство — ритуал добровольный, но неминуемый, избежать участия в котором нельзя.

Текст: БЮРО «4С2П»

" СКАЖЕМ «ДА»
ПРИШЕЛЬЦУ,

П Р Е Ж Д Е
ВСЯКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ,
ВСЯКОГО ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ,
ВСЯКОГО ОПОЗНАНИЯ
Н Е В А Ж Н О ,

ИНОСТРАНЕЦ Л И
ЭТО, ИММИГРАНТ,
ПРИГЛАШЕННЫЙ ИЛИ
НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ,
ГРАЖДАНИН ДРУГОЙ СТРАНЫ,
ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ
ИЛИ БОЖЕСТВО,
ЖИВОЙ ИЛИ МЕРТЫЙ
МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА

"

Дмитрий
Давлечин

Источником вдохновения для художника служит ЖЭК-арт: простой житейский способ эстетизации и оживления среды. Работники жилищно-коммунальных хозяйств, управляющих компаний, товариществ собственников жилья и дворники, стараясь сделать среду более гостеприимной, населяют наши дворы милыми и обаятельными персонажами. Хотя, милыми они кажутся далеко не всем. Для многих эти персонажи – очевидно навязчивые и пугающие – агрессивно загрязняют визуальную экологию и ранят эстетические чувства.

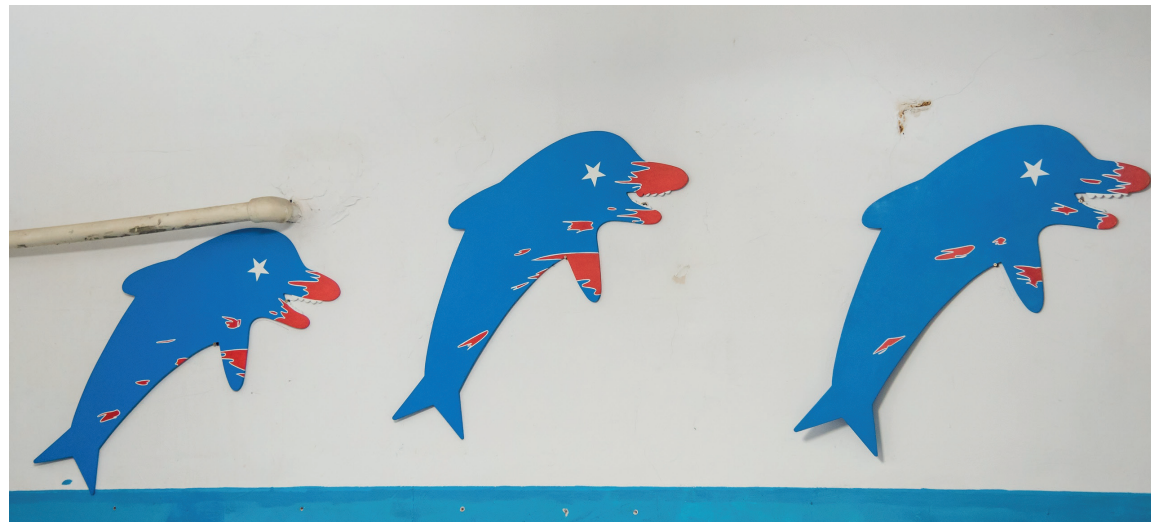
В инсталляции Дмитрия Давлечина монструозные создания из резиновых шин и деревяшек ведут свою собственную – почти рубенсовскую – фантазмагорическую битву.

Прокопий Кесарийский пишет, что защитники Эдессы использовали боевых свиней с целью отпугнуть от стен города слонов Хосрова I. И хотя прошли тысячелетия, и Одесса с Эдессой не имеют ничего общего, но современная Одесса тоже в опасности.

Жуткие звери-оборотни приходят с суши и моря. Голуби-зомби прилетают с Востока, а Дельфины-убийцы приплывают с Запада. Голуби идут строем, словно тер-

ракотная армия Цинь-Шихуанди: их профили безупречны, а движения точны. Им уже мало хлебных крошек, заботливо насыпанных бабушками на подоконник. Им нужна плоть, свежее парное мясо. За ними приплыли дельфины. Их жуткие крики ветер доносит с побережья. И кровь стынет в жилах, когда эти гады начинают выбираться на сушу...

Инсталляция Дмитрия Давлечина, скорее, считается как ироничный комментарий практически всех последних геополитических конфликтов.

Ольга
Полякова

Раскладушка. Радиола. Тихий стрекот проектора с диафильмами. Поворот колесика — и теплый ламповый свет сменяет статичные изображения. Магия нашего детства.

Романтика советского туризма — такой же важный элемент советского эскапизма, как книги, кино и аналоговая проекционная техника. Советское общество было не просто самым романтичным во всей человеческой истории. Пожалуй, оно было единственным, включавшем в себя романтику в качестве важнейшего элемента. Человек в этой системе — это крылатый мечтатель, отчаянный первопроходец, дерзкий ученый, геолог, летчик, покоритель океанов и космических пространств. Туристы стали частыми гостями Кавказских гор, советских водных достопримечательностей (таких как Волга, Лена, Енисей, Байкал). Даже посещение родственников, раскиданных по всем республикам, превращалось в путешествие. Особо отличившиеся ездили и в дружественные страны соцлагеря.

Лыжные походы. Море, палатки, костер и песни под гитару, командные игры. Журнал «Вокруг света». Обычной одеждой интеллигента того времени стала брезентовая штормовка, а большой «абалаковский» (по фамилии своего конструктора) рюкзак — атрибутом истинного романтика. В пригородных электричках по пятницам было трудно отыскать вагон, где не ехали бы молодые ребята и девчонки с рюкзаками и гитарами, открывшие для себя еще один способ быть счастливыми: бродить по лесам, зачерпывать воду из лесных речушек и озер, петь около костра до рассвета. 1960-е создали принципиально новый в СССР образ романтического героя: им

стал младший научный сотрудник или аспирант, заядлый походник. Универсальный человек чувствует себя одинаково естественно и в научной лаборатории, и посреди заболоченной тайги, и в кругу друзей. «Физик» и «лирик» в одном лице.

Главное отличие спортивного туризма 1970-80-х гг. — его максимальное «отделение от государства». Увлеченные люди собирались в институтском или городском клубе, организовывали Школы Туристической Подготовки, маршрутно-квалификационные комиссии разного уровня, но это всегда было «движением снизу». От государства требовалась лишь помощь в виде помещения или средств на закупку снаряжения, выделяемых профсоюзом.

Увиденное фиксировалось в памяти, воспоминания замирали в зарисовках, слайдах, фотографиях.

Мы смотрим на карту нашей уже не существующей Родины на стене. Поворачиваемся под скрип раскладушки. И засыпаем. Все, что осталось в комнате — это щемящие грезы об ушедшем навсегда.

Екатерина
Володина

В преддверии Чемпионата мира по футболу город обновляется. По дороге из аэропорта в Гумраке в центр Волгограда был поставлен звукоизоляционный забор. Над забором видны высказывания на треугольных фасадах домов, написанные местными обитателями: «Жители не против дороги. Это власть против жителей», «Не лучше ли советоваться с людьми, как они хотят видеть свои улицы. В.В. Путин», «Не прятаться в кабинетах. Не бояться диалога с людьми. В.В. Путин», «Дело принципа, чтобы в принятии решений участвовали люди. В.В. Путин».

Казалось бы, дорога отремонтирована, а забор поглощает излишний шум. Чем же не довольны местные жители? Художник вступает в коммуникацию с сообществом и пытается найти ответы.

Проблема не столько в том, что местных никто не спросил, сколько в том, что теперь жизнь небольшого сообщества заточена в 7 метрах между двумя заборами. «Напротив живет моя подруга. Если раньше я могла просто перейти дорогу, то теперь должна обходить почти два километра».

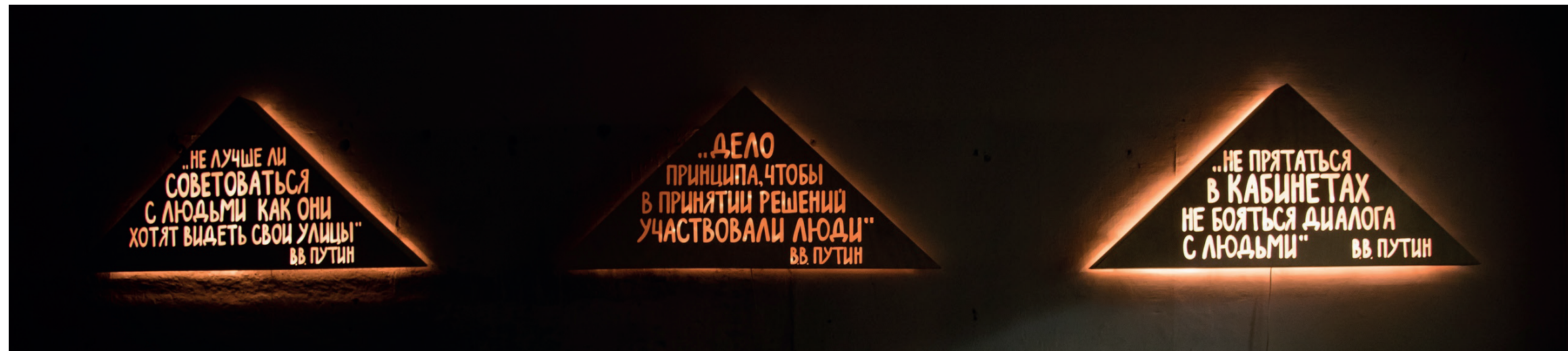
Местные жители ведут коммуникацию с властью так, как могут: используют фасады собственных домов как медиа, поддерживая свои высказывания именем суверена. Беспрецедентное желание установить хоть какой-то контакт и быть услышанными.

Все надписи на фасадах объединяет одна рука и один шрифт. На основе надписей художник создает собственный шрифт «FifaGumrakVlg» как метафору надежды

на соучастие в принятии градостроительных решений. Шрифт призван помочь сделать коммуникацию между властью и местными сообществами более оперативной и удобной.

А Б В Г Д Е Ё Ж З
И Й К Л М Н О П Р С Т
У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь
Э Ю Я . , : ; " ' ! ? #
1 2 3 4 5 6 7 8 9 0
A B C D E F G H I J K
L M N O P Q R S T U V
W X Y Z

Юрий Дрик

Осенью 2017 года глава Калининграда Александр Ярошук посоветовал жителям покинуть город, когда в нем будут проходить матчи Чемпионата мира по футболу. Невероятный – и одновременно даже очаровательный в своей искренности – уровень цинизма.

В инсталляции художника мультяшный персонаж, похожий на Забиваку, как крысолов из Гамельна, играя на вуузеле, уводит из города его обитателей – игрушек. С игрушек не сняты бирки. Это напоминание о еще одном недавнем – также беспрецедентном по своему масштабу – цинизме. Власти Кемерово после пожара в «Зимней вишне» пытались провести собственные – управляемые – митинги, раздавая пришедшим закупленные на одном складе одинаковые игрушки с неснятыми с них бирками. Пройдя через срежиссированные конвейеры скорби, централизованно закупленные игрушки в итоге оказались на помойке.

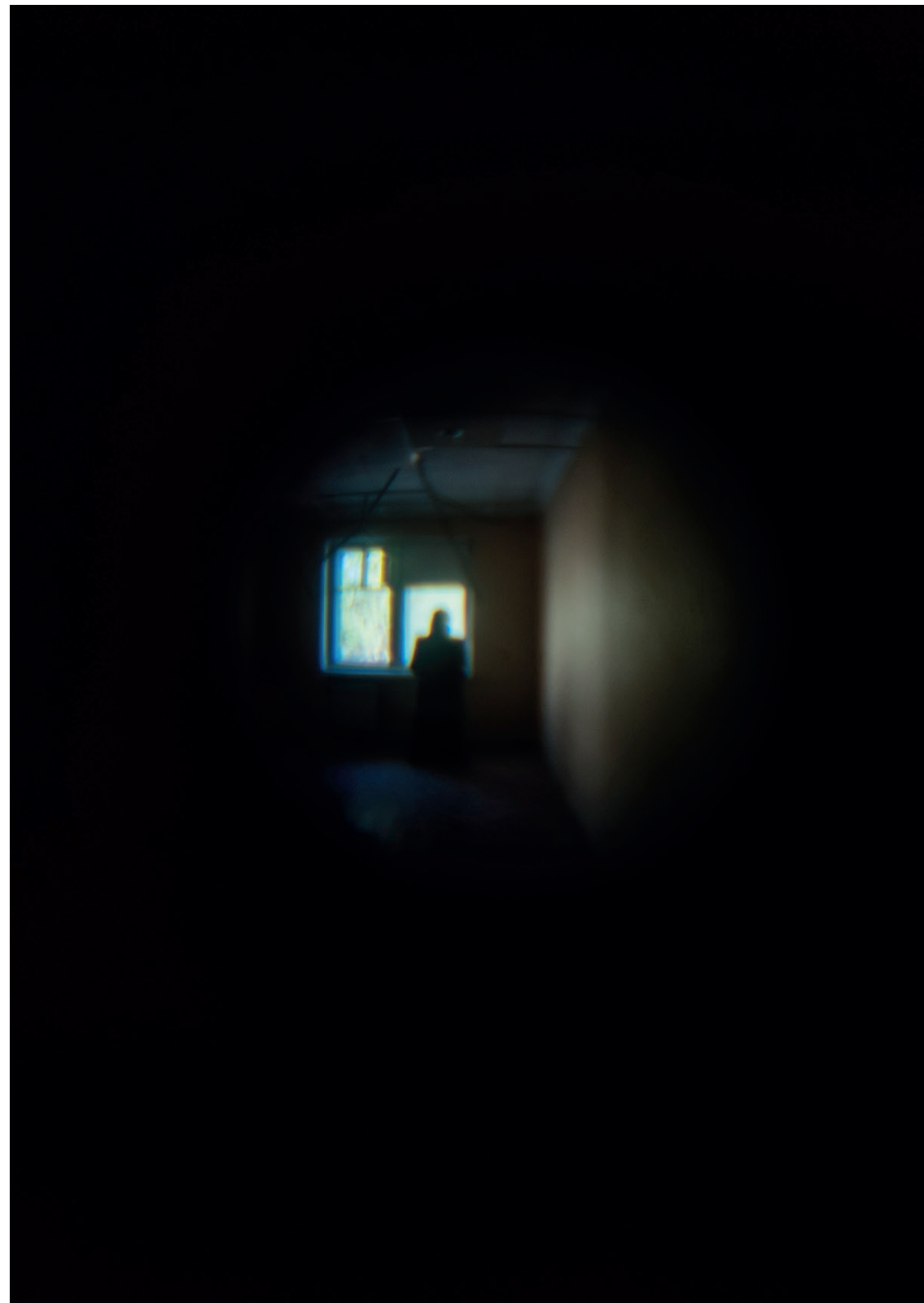

Алексей
Шилов

Выросшие в Советском Союзе с его высокими стандартами доверия, мы по-прежнему верим в символическое значение элементов безопасности входных зон: хлипкие дверные цепочки, дверные глазки, разнообразные запоры и замки призваны оберегать нас от хаоса «темного» и «неожитого» подъезда, как источника бесконечной опасности. Через цепочку не должны просочиться маргинальные этнические элементы, коварные наркоманы, подозрительные злоумышленники, абстрактные грабители и обманщики-сектанты. Цепочка как плацебо и иллюзия надежности.

Дверные глазки также подводят нас как коварные сообщники: темные фигуры в контрсвете подъезда могут быть как доброжелательным соседом, так и таинственным источником угрозы. Сможем ли мы установить контакт и угадать намерения стоящего по ту сторону двери?

В основе инсталляции художника — взгляд недоверия и сомнения. Расфокусированный. Децентрированный. Фрагментарный. Тревожный.

Юрий
Дрик

Проблема с переводом времени в Волгограде в ситуации отсутствия четких аргументов и преимуществ кажется такой нелепой и надуманной, что первоначально даже не веришь, что ради этого был организован целый референдум и потрачены бюджетные деньги.

С другой стороны, вера в то, что простым желанием большинства город может переместиться в другой часовой пояс, кажется невероятно утопичной и – в какой-то мере – даже вдохновляющей и романтической. Вместо того чтобы решать реальные экономические и социальные проблемы, люди поглощены коллективной фантазией сродни тому, как в хрущевскую и брежневскую эпоху все мечтали о космосе, живя в ветхом жилье в ситуации товарного дефицита. Надежда на перемещение в пространстве как попытка побега от советской реальности не оправдалась. Осталась надежда на путешествие во времени.

Предлагая остановить время, художник то ли отсылает к ситуации Золотого века – эпохе всеобщего благоденствия предков, где времени не существует вообще (как и старости, и смерти) – то ли подчеркивает и так наличную ситуацию: город застрял в 200 днях войны, не желая выстраивать сценарии своего будущего.

ЮРИЙ ДРИК
ПЕТИЦИЯ
«ОСТАНОВИТЕ ВРЕМЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ!»

Волгоградская область – не самая благоприятная местность для жизни. Климат области континентальный, с холодной, малоснежной зимой и продолжительным, жарким, сухим летом. Сезон неустойчивого равновесия, когда происходит приспособление к новому тепловому и световому режиму, требует от каждого немало сил.

Для ослабленного организма смена сезонов может обернуться десинхронозом – рассогласованием биоритмов, в основе которого лежит нарушение выработки мелатонина – гормона, отвечающего за наш жизненный ритм и адаптацию к световому режиму.

Смена времен года, так же как и любые перемены, не устраивает большинство жителей нашего региона.

Течение времени – реальная угроза здоровью (приводит к старости и, в конечном итоге, к смерти), порождающая хронический стресс из-за нехватки времени или, наоборот, длительного ожидания.

Предлагаем подписать петицию за остановку времени в Волгоградской области. Плюсы от остановки времени:

- улучшится качество жизни, благодаря оптимальным погодным условиям и длительности светового дня;
- времени будет хватать на всё! Появится возможность успевать всё и всегда; удастся сделать все отложенные дела. Появятся точки роста и достижения во всех сферах жизни;
- исчезнет страх перед негативными переменами.

Остановка времени окажет положительное влияние в целом на социальную и экономическую ситуацию в Волгоградской области.

По нашему мнению, оптимальным моментом для остановки времени является начало мая.

В это время в Волгограде и области устанавливается теплая, но не жаркая погода, влажность умеренная, деревья покрыты свежей листвой, цветут яблони, груши и сирень. Погодные условия благоприятны как для работы, так и для отдыха на природе.

Время года, которое будет зафиксировано при остановке времени, может быть выбрано путем всенародного голосования (референдума).

В настоящее время проводится сбор подписей за остановку времени среди жителей Волгоградской области.

Петицию можно подписать по ссылке:
<https://www.change.org/p/волгоградская-областная-дума-остановите-время-в-волгоградской-области>

Гала
Измайлова

По мысли Ж. Деррида, гостеприимство может быть только безусловным, радикальным и запредельным. Отдавать все, что есть, и больше, чем есть, в ущерб себе — вот закон гостеприимства и главное условие его существования. А иначе это не гостеприимство, а простой и принудительный социальный обмен, приличие, маркер вынужденной терпимости и толерантности в отношениях с другими.

Гостеприимство выстраивает иерархию власти и включает в себя как власть хозяина, так и власть гостя, начиная с принятия приглашения. Власть дается в момент, когда гость приходит и переступает порог. Когда хозяин приветствует его: «Чувствуйте себя как дома!» — он и искренен, и нет, потому что он одновременно и хочет, и не хочет, чтобы гость чувствовал себя как дома. Эта апория, которая вызывает паралич любых усилий гостеприимства. Возможно ли настоящее и безоглядное гостеприимство? Ведь мы не собираемся на самом деле отдать гостю свой дом.

Гостеприимство коварно и опасно. Принимающая сторона не знает, до чего

дойдет гость — когда он уйдет, что еще попросит (ведь просьба гостя — закон), а сторона, которую принимают, не знает, чего ждать от хозяина — не западня ли это? Гость старается ничего не разбить и не сломать, чтобы быть как можно лучшим гостем.

Во многих языках слово, обозначающее гостя (например, латинское *hospes*), родственно тому, которое обозначает врага (латинское *hostis* — «чужой» и «враг»). От гостя до врага — один шаг.

В центре работы Галлы Измайловой — сломанные гостями предметы. Визуализация амбивалентных человеческих контактов. Иконография ущерба, злоупотреблений и то потенциальное насилие, что заложено в гостеприимстве.

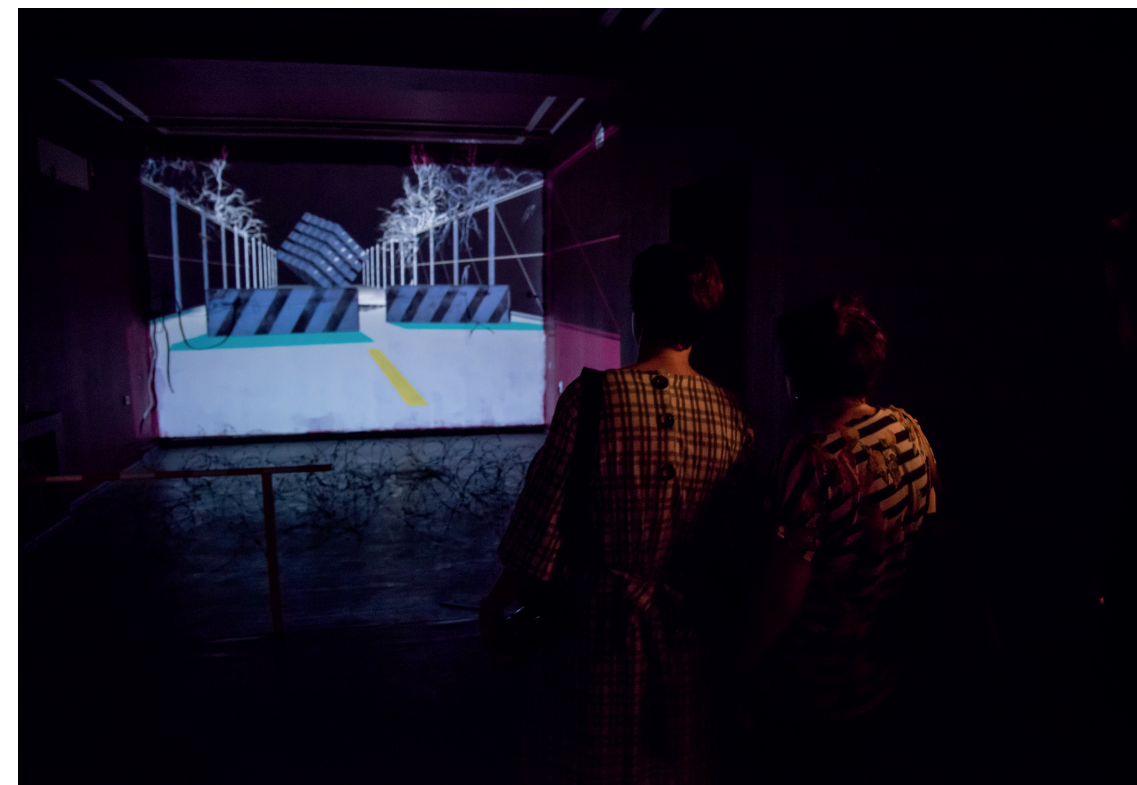

ОКО VJs ФЕДОР САФИН (звуковое сопровождение)

На самом деле, границы невидны. Она не существует как объективная данность, а только как искусственно сгенерированная условность. Ее материальное воплощение — это зона пограничного контроля, с ее визуальными и архитектурными маркерами, дизайном среды (заграждения, предупреждающие знаки) и нормативно определяемыми сценариями: выстроиться в линию, показать паспорт, пройти визуальную оценку и документальную проверку по базе, перейти на другую сторону.

Момент перехода не принадлежит нам всецело: он регулятивен, вызывает дискомфорт и тревогу. Ощущение, будто совершаешь преступление и будешь уличен в чем-то незаконном. Момент утраты контроля и предельной беззащитности.

Иммерсивная видеоинсталляция «ОКО VJs» предлагает остановку перед контрольно-пропускным пунктом — бесконечное ожидание возможности попасть за искусственно установленный предел. Мы вглядываемся в уходящее вдаль безграничное пространство и горизонт. А горизонт вглядывается в нас. Как обещание априорной и абсолютной свободы.

Тамара
Шипицина

Художник, чью работу не приняла на выставку практически единственная художественная институция в городе, растерян. Он не понимает, что случилось, и почему его произведение не было отобрано. Каковы сформулированные профессиональным сообществом критерии качества?

Художник приходит на выставку и приносит работу с собой. Как часть своего тела и своей идентичности. Одновременно безмолвный запрос и попытка стать легитимным. Попытка показать, сравнить, задать вопросы и получить ответы. Но члены жюри, увлеченные фуршетом, также безмолвствуют.

Статичное искусство (как нелегкая ноша) избегает институционального посредника и обретает мобильность и доступность в поисках аудитории. Персональная выставка на собственном теле, которая всегда с собой.

Дмитрий
Алексин

Имагология — это научная дисциплина о законах создания, функционирования и интерпретации образов «других», «чужих», инородных для воспринимающего субъектов. Ситуация гостеприимства предполагает, что мы не просто складываем в своей голове образ Другого, но и моделируем, какой образ Нас обрисует этот самый Иной. Подобная рекурсивная система восприятия во многом определяет наши собственные модели поведения и ролевые сценарии. Нам важно сохранить лицо («хоть бы не подумали ничего плохого»). Но именно поэтому лицо постепенно — и всегда неожиданно для нас самих — заменяется личиной и актерством, лукавством и неискренностью.

Ситуация гостеприимства крайне принудительна и авторитарна. Она изматывает ровно настолько же, насколько изматывает череда первых свиданий. Ты отбираешь ровно то, что, по твоему мнению, лучше всего тебя характеризует и демонстрирует только с лучшей стороны. Играя в «лучшую версию самого себя», постепенно замечаешь, как превращаешься в персонаж: плоский, лишенный слабостей, сомнений, неуверенности — всего того, что делает нас людьми и добавляет объема нашему образу. Пытаешься не забыть последовательность заученных фраз. Контролируешь жесты и пантомимику. Выбираешь лучшие ракурсы.

Превращая свидание в игру самопрезентации, мы повторяем один и тот же

сценарий как одноактную пьесу. Образ самого себя превращается в зажеванную пленку, начинающую вызывать отвращение.

Наши взаимоотношения с Другим — это сложная и тяжелая игра в перегадки/перестрелки глазами / конкурентная борьба / соревнование («Что он подумает?», «Что он подумает о том, что подумаю я?», «Достоин ли он меня?», «Достоин ли я его?»).

Город, принимающий гостей, боится показать свои недостатки и слабости: спешно ретуширует их, накладывая толстый слой грима. Но за всей свежевысохшей штукатуркой скрывается все та же кладка травм.

Елена
Олейникова

Сеанс гостеприимства в проекте художника начинается и завершается пространством «Очаг» — комнатой, которая является общей для других четырех. «Очаг» олицетворяет некую остановку на распутье четырёх комнат-дорог, остановку на перекрёстках верхних путей-нитей. Поэтому она представляет собой статичность, возможность сесть и не продолжать путь. Но если появится стимул, то можно зайти в I комнату, которая представляет «гостеприимство на ножах» — комнату видимой агрессии, которая не встречает гостя, а отталкивает, угрожает опасностью ран. Антагонистом этой комнаты-дороги служит противоположное пространство с обилием зеркал и мягкостью перьев, которое выражает более позитивное отношение к гостю, отражает его, приглашает его пройти до конца. Порой, для того, чтобы тебя принимали как гостя, приходится проходить некие испытания, добиваться этого, что и показано в третьей комнате: обилие препятствий в конце вознаграждается дарами. Последняя дорога-комната олицетворяет мысли гостя, его опасения и страхи, радости, которые следуют за ним на протяжении всего пути.

Тамара Шипицина

В каждом доме есть закрытое пространство, куда не пускают гостей. За которое стыдно. Закрытая неприбранная комната. Шкафы или комоды с наспех наваленными в них вещами, которые мы не успели структурировать по функциональным хранилищам. Чем тщательнее оберегается тайна и чем страшнее расплата за преступление через пороги оберегаемого, тем сильнее желание проникнуть в эти зоны отчуждения. Запретные зоны тщательно охраняются суровым и пугающим персонажем. Истории о Синей Бороде, Золотом руне, Цербере или Хароне нас ничему не учат.

В Волгограде грань между лоском причесанных к Чемпионату мира районов спортивной инфраструктуры и индустриальными неприбранными кварталами особенно жестка и графически очерчена.

Как ни странно, персонажи, которых больше всех боятся жители города перед международным мероприятием, это полицейские. Страх, что ты делаешь что-то не так (не так себя ведешь, не то или не так говоришь, не так выглядишь, слишком громко смеешься) подчас доходит до паники, вынуждающей нас методично избегать общественные зоны и объекты спортивной инфраструктуры.

Работа Тамары Шипициной — о несоответствии должного и насущного, о страхе между мирами, о подсознательном страхе за преодоление расчерченных границ.

Сойдя с дороги из желтого кирпича, мы обязательно встретим пугало.

Митя
Зимин

Легенда гласит, что однажды, во время своего третьего похода на Рязань, хан Мамай потерял компас. Вернее, он потерял китайца, который мог понимать, что показывает его компас. Вернее, он даже не потерял его, а случайно наступил на китайца своей кобылой. Так или иначе, хан Мамай остался без компаса и заблудился в глухой степи. Мамай приказал войску чесать задницы лошадям, слез с седла и сел на землю. Ему принесли чай, сушеное верблюжье ухо и старика Абая в кожаном мешке. Старика Абая поставили перед Мамаем, и, ласково потыкав саблями, попросили рассказать, как найти дорогу на Рязань. Старик Абай поворчал по поводу того что, стоя на голове, не очень удобно говорить. Тогда Абая перевернули и поставили на ноги. Надо сказать, что у старика Абая было 64 ноги. 33 правых и 31 левая, что отличало его от других Абаев в Малой Орде. Мамай достал огромный обеденный тесак из дамасской стали с надписью на арабском: «Куплено в Синьчуаньси» и отрезал от своего верблюжьего уха кусочек размером с ладонь и протянул его Абаю. Абай поблагодарил Мамаю и вытащил свой огромный нож с надписью на персидском: «Куплено в Суньчижи». Старик Абай отрезал от переданного ему верблюжьего уха половину и протянул его своей второй голове. Вторая голова старика Абая поблагодарила первую голову и вытащила свой ножик, поменьше, но тоже с надписью на хинди: «Куплено в Урумчи». Потом вторая голова отрезала от своей половины верблюжьего уха половину и протянула ее уже третьей голове. Третья голова старика Абая поблагодарила первую и вторую голову старика Абая и спросила вторую голову:

- Что он хочет?
- Что он хочет? – спросила вторая голова первую.
- Что ты хочешь? – спросила первая голова у хана Мамаю.
- Хан Мамай отхлебнул чаю из бронзовой плошки, закусил верблюжьим ухом и ответил:
- Я хочу знать дорогу на Рязань.
- И только?
- Пока да. Ну а вообще, я хочу знать, почему, когда мои всадники скачут на Восток, они всегда возвращаются назад пьяными?
- Это просто – сказала первая голова, – на Востоке всегда наливают.
- Отлично! – обрадовался Мамай. – Одной тайной меньше! А теперь расскажите мне, как нам достичь Рязани!
- Головы старика Абая стали совещаться, а потом третья голова сказала:
- Терпение!

Старик Абай вытащил из кармана своего цветастого халата змею с двумя хвостами и просунул ее в ухо своей третьей головы. После он потянул змею за хвосты и вытащил ее обратно. Когда он вытащил змею полностью, все увидели, что змея держит в зубах клочок из волос, пуха и травинок. Хан Мамай удивился и спросил:

- А это что?
- А мы не знаем, – сказали головы старика Абая хором, – это всегда живет в наших ушах, так уж заведено.
- Старик Абай взял комочек из волос, пуха и травинок у змеи и подул на него. Комочек стал расти, словно по волшебству, и стал большим железным шаром из железных волос, железного пуха и железных травинок. Абай поставил этот шар перед ханом и сказал:
- Вот. Теперь это твой указатель дороги.
- Опа! – удивился хан Мамай. – И что мне с ним делать?
- Ничего – ответил старик Абай, – пни его сильнее и скачи туда, куда он покажется.

– Спасибо! – радостно поблагодарил Мамай и велел пнуть железное Перека-ти-Поле посильнее.

Когда Мамаево войско скрылось за горизонтом, вторая голова старика Абая спросила остальные, провожая взглядом пыль на краю неба:

- А почему ты не отдал свой второй клочок, из другого уха?
- Не нравится мне эта его затея – ответила ему третья голова.
- Но без двух железных клубков он будет плутать вечно – сказала первая голова.
- Да и пусть! Нам-то что до его дел?

С этими словами старик Абай снова взял змею с двумя хвостами и ловко вытащил комок из волос, пуха и травы из другого уха своей третьей головы. Потом он подул на него, сотворил второй железный шар и рассмеялся своими тремя беззубыми ртами. Старик бросил шар что есть силы на высохшую траву и быстро-быстро засеменял ножками в поисках суслячьей норки, чтобы переждать полуденный зной.

Много ли времени прошло с той поры или нет, сейчас уже и не упомнит никто. Лето сменяло зиму, а весна осень. С годами второй железный шар старика Абая затянуло землей, а сверху него выросли ковыль да полынь. Много чего произошло на свете за это время, а забытое всеми перека-ти-поле лежало и слушало, как над ним пробегают стада степных лошадей или проходят одинокие путники. Потом на это место пришли люди и построили свои дома. Дома разрослись, и из них вырос целый город. В этом городе завелись всякие ремесла и промыслы, а перед самой

революцией местный купец Балыгин решил построить в этом городе рыбоперерабатывающий завод. И когда стали рыть под него котлован, случайно наткнулись на железное перекати-поле старика Абая. Рабочие притащили огромный железный клубок купцу и сказали:

– Вот, барин, отрыли.

– Чего еще это за такое? – спросил купец.

– Не можем знать, видно, что-то не нашего разума – ответили мужики.

Купец Балыгин велел отвезти вещь в Царицын своему другу на котельный завод для расследования, но пока суд да дело случилась в наших краях революция, и всем стало не до того. Сначала в город пришли красные, а потом их выбили из города белые. А после, при своем отступлении из Царицына, белые хотели забрать железное перекати-поле с собой, да места в обозе не сыскали. Так и бросили его в городе. А когда красные вернулись, решили это перекати-поле выкрасить в красный и поставить на постамент, как памятник победившему трудовому народу, победившему Гидру империализма – уж больно оно похоже на Гидру было. Поставили памятник напротив аккурат того места, где потом завод решили строить. А как решили строить, отнесли железный клубок в городской художественный музей. Вот как и случилось, что начало стоять перекати-поле в Царицыне, а потом и в Сталинграде уже стояло. Стояло, пылилось за стеклом, пока не пришла новая беда – напал на нас бесноватый фюрер. Когда немец к Волге уже вышел, решили музей из города подальше отправить на Восток. Погрузили на пароход «Композитор Бородин» и пошли вверх по Волге, в Саратов, да не смогли, попали под обстрел и сгорели вместе со всеми ценностями. Так наше железное перекати-поле старика Абая оказалось на дне реки, напротив Акатовского переката, где раньше Ахтуба начиналась. Лежало оно там, заливало тихонько, да тут определили строить прямо на том месте плотину ГЭС. Стали песок мыть земснарядом и снова достали железный клубок со дна на солнечный свет. Старики-то уж забыли про него, а молодым и невдомек было. К тому же, он потемнел, заржавился с горя, не узнать его было. Перенесли перекати-поле в музей нового города Волжского, поставили на входе, мол, пусть стоит, а там разберемся. А тут и ГЭС построили, и стали на нее всякие делегации со всего света приезжать. И как-то в один из разов сам Хрущев приехал. А с ним делегация из Египта с Абделем Насером. Никита Сергеевич дорогому гостю решил экскурсию лично провести, а заодно подарить чего-нибудь на память. Позвал первого секретаря обкома и спрашивает:

– А что, есть какая-нибудь ценная вещь у тебя?

– Кукуруза? – быстро сообразил первый секретарь.

– Дурак ты! Кукурузой египтянина не удивишь – он пирамиды каждый день видит, фараонские. Тут надо от нас ему завакыку.

Пока рядились, прибежали референты с железным перекати-полем из музея. Пока бежали, обтерли его по дороге и Хрущеву под ноги положили. Хрущев Насера под бок пихнул и говорит:

– Видал, кучерявый, чего есть у нас?

– О! – говорит Насер, а сам знак делает своему переводчику.

Переводчик ловко подбежал на своих 64 ногах и как увидел железное перекати-поле, засмеялся всеми своими тремя головами и говорит:

– Ты, – говорит, – Насер, эту штуку не бери. Она некомплектная. Пусть она у них остается. Попроси лучше балалайку и жостовский поднос с пряниками.

– О! – говорит Насер. – Отлично, переведи Лысому.

Хрущев перевели просьбу и пожелания Насера, он только хрюкнул и говорит:

– Вот ведь дурак-то, прости господи! Ну, как скажешь.

– А с железкой что делать? – спросили референты.

– Да переплавьте ее на подстаканники и дело с концом! – решил Хрущев и уехал пить и закусывать в обком.

Шар сдали в трест «Вторчермет» и отправили на «Красный Октябрь» в сталеплавильный цех. Но только решили его в печь засунуть, как железный клубок как выскочит из ковша, и только его и видели! Так и каталось наше перекати-поле по полям и весям, но всегда держалось возле города, словно знало чего. Каждый год его видят, пытаются поймать, но не могут. Только раз в году оно само останавливается на день, где само решит. Постоит, отдохнет и снова покатится. А куда – не понятно, может, искать свою вторую половину, а может, старика Абая на 64-х ногах. 33-х левых и 31-й правой.

Вот такая история.

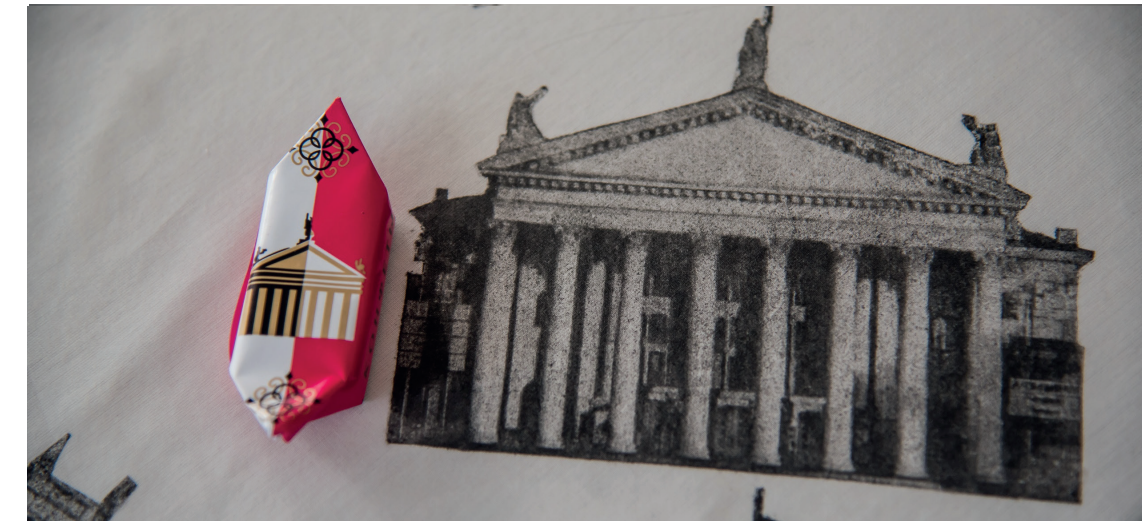
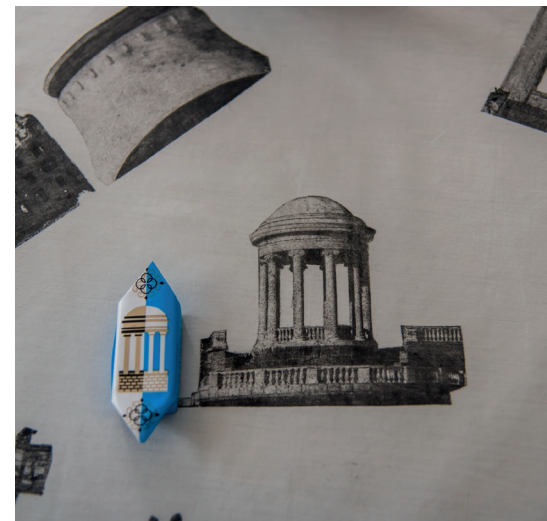
Тамара
Шипицина

«...история, кроме того, обладает неприглядным свойством распадаться, подобно радиоактивным материалам: чем сильнее ее эксплуатируют, тем менее значимой она становится – и так вплоть до состояния, когда ее оскудневшие дары начинают выглядеть просто оскорбительно. Это оскуднение приобретает еще большую стремительность за счет постоянного увеличивающейся массы туристов, которые в своем безостановочном поиске «характера» перемалывают, как селевой поток, все успешные идентичности в бессмысленную пыль». (Р. Колхас «Город-генерик»).

Скатерть, как центрообразующий элемент праздничного застолья, своей белоснежной и торжественной плоскостью покрывает неприглядный объем. В объекте художника достопримечательности Волгограда, подобно орнаменту, превращаются в декоративный элемент. Любой туристический взгляд, фланирующий и стремительный, истончает и опошляет наследие, скрадывает всю его глубину, превращая историческую и культурную семантику в плоскую и вульгарную иконографию – больше реквизит и задник, украшение персонального инстаграма. Под натиском туризма любая смысловая точка, любая часть идентичности городской среды неумолимо схлопывается до состояния декорации, упрощается до состояния фона, где фигура – это анфас селфи в стратегии ауто-брендинга в социальных сетях.

Скатерть – это плоскость для потребления («еды-впечатлений»). Орнаменты современных скатертей фаст-фуда – плейсметов – уже не повествуют (подобно

орнаменту ковра) о картине мира, а рассказывают, что еще можно употребить. Принципиально не завершаемая история о стремительном туристическом «поглощении», когда на то, чтобы «распробовать вкус», уже не хватает ни времени, ни сил.

Антон
Величко

Сервант — это сакральный элемент любой советской квартиры. Ее алтарь. Одновременно и витрина, и выставочное пространство. Сентиментальные сувениры из прошлого и декоративные статуэтки — это и персональная экспозиция автопортрета хозяина, и ретроспектива его жизни, и часть его идентичности. Советская фарфоровая посуда и тяжеловесный хрусталь — признаки богатства и достатка.

Доставать посуду из серванта — почти священнодействие: самая красивая посуда предназначена только для самых ценных и дорогих гостей и то по самым торжественным случаям. Сервиз сплачивает сообщество и связывает гостей за столом в единое целое, превращая функциональное поглощение пищи в ритуал гастрономической расточительности. Компенсация за голод, пережитый во время и после войны. Гость не должен ни в чем нуждаться и должен уйти сытым.

Советский фарфор — это больше, чем декоративные фигурки. Это типология мира и иконография моделей поведения: советские профессии и формы досуга, народы многонациональной страны и элементы природы.

Антон Величко, выхватывая свои детские воспоминания в фарфоровой массе, не столько создает панегирик очарованию советского китча, сколько реконструирует типологию советских ролевых моделей гостеприимства.

Антон Капустин

Уже несколько лет Антон находит на улицах и на помойках архивы выброшенных на свалку жизней людей. Выброшенных – в прямом смысле слова. Родственники умерших выкидывают из советских квартир не только одежду и мебель, но и личные документы.

В центре экспозиции судьбы трех людей и их семей. Фабком фабрики офсетной печати Рубальский Петр Израильевич. Майор Аистов Владимир Степанович. Инженер водного транспорта Александрова Мария Алексеевна.

По материалам, собранным художником, можно восстановить практически все. Грамоты. Открытки. Старые фотографии. Детские рисунки. Пропуска и профсоюзные билеты. «Отэренная» характеристика людей по знакам зодиака. Портрет Есенина на дощечке и волк из «Ну, погоди!». Фотопленка. Газета «Волгоградская правда» за 1964 год. Этикетки от яблочного сока и мужских носков «Фротте». Скабрзные советские загадки с ответами («Что находится у женщин ниже пупка?», «Что лучше: умереть от дизентерии или от гонорей?», «Почему старые девы носят темные трусы?»).

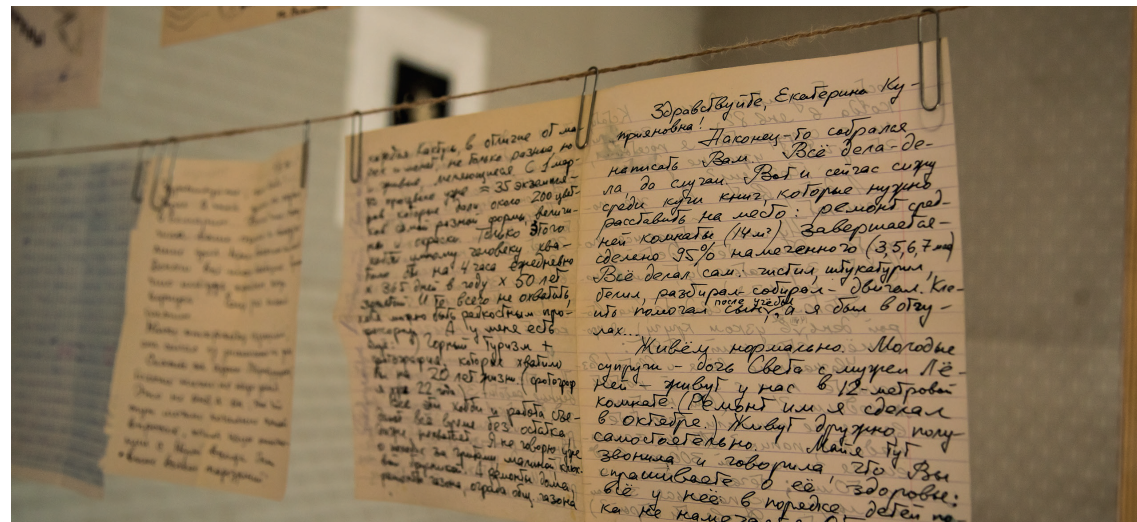
Вот поздравительное письмо, из которого мы узнаем, что Петр женился в 1984

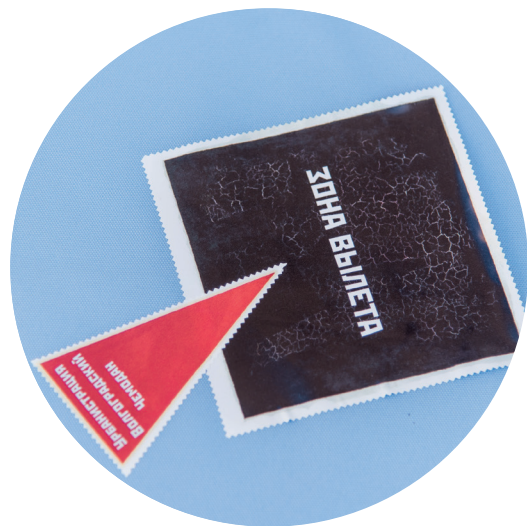
году. Переписка с другом Сергеем – охранником на зоне. Он рассказывает, как один из заключенных пытался бежать, и в него даже пришлось стрелять 3 раза. Но мимо.

В общем-то, типичные, но от этого не менее захватывающие истории. С общечеловеческими темами и вопросами, которые остаются без ответа: «Когда вы уже перестанете ругаться?» – читаем в письме.

На листе бумаги выписаны частушки. И в одной из них – целая жизнь, полная испытаний и житейских радостей:

Мы частушки вам пропели,
Хорошо ли, плохо ли,
Жили не тужили.
Шашлыки мы лопали.

Дмитрий Бойко
Андрей Захаров
Валерия Патуева

Волгоградский чемодан

АРБУЗЫ-
ПОМИДОРЫ-
АБРИКОСЫ

Урбанистрция

Когда говорят о миграции, обычно рассматривают картину с высоты птичьего полета — в тысячах и десятках тысяч человек. Считается, что россияне менее мобильны, чем, например, американцы, и их труднее сорвать с мест, где они родились и выросли. Есть периоды в жизни человека, когда он наиболее мобилен, поскольку не отягощен еще отношениями, семьей, работой. Все это анализ, который ведется сверху вниз, чтобы приблизиться к понимаю массовых общественных явлений.

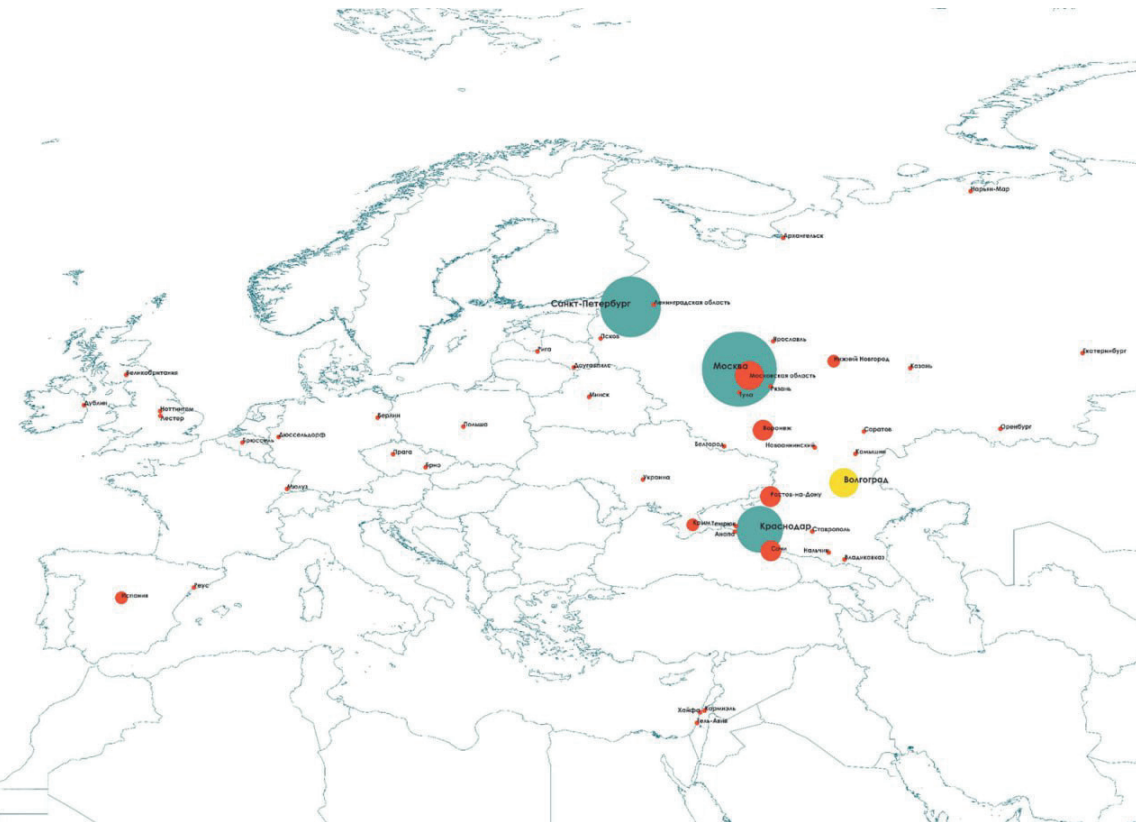
Проект «Волгоградский чемодан», наоборот, нацелен на изучение субъективных факторов миграции снизу вверх — от личной истории человека, его карьеры, его любви и брака, его ожиданий от жизни. И хотя в обоснование представленных на выставке выводов авторы положили опросы более 460 людей, переехавших из Волгограда, проект не ограничивается научным инструментарием. Кроме графиков и анализа корреляций между количественными данными, применяются различные ритуальные и партисипаторные практики и метафоры. Говоря о роли города в судьбе человека и нематериальных аспектах привязанности к месту, невозможно не обратиться к искусству как способу чувственного и эмоционального восприятия реальности.

Проект еще не завершен, и выставка служит задачам вовлечения посетителя в разговор о том, почему многие наши современники уезжают из Волгограда. Ностальгия по Волгограду, которую переживают люди, переехавшие в другие города, уравнивает

ся внутренними метаниями и противоречивым отношением к городу людей, живущих в Волгограде сейчас. Осознанно предпочитая субъективную тональность, авторы приглашают посетителя поделиться своими мыслями и чувствами по поводу расставания с городом.

Текст — Дмитрий Бойко

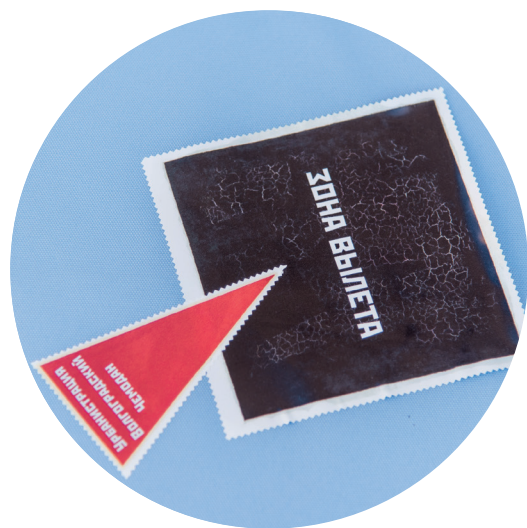

Топ 10 профессий

людей, уехавших из Волгограда,
количество ответов респондентов

Менеджер	42
Учитель / преподаватель	40
Инженер	34
Журналист / редактор / копирайтер	33
Маркетинг / реклама	29
Архитектор	26
Экономист	23
Руководитель / директор	21
Продажи	19
Врач / медработник	19

а еще уехали: андеррайтер, востоковед, жарщик попкорна, зав.складом, конструктор одежды, фуд-фотограф и многие др.

Дмитрий Бойко
Андрей Захаров
Валерия Патуева
Александр Зуев

“

В Волгограде летом великолепный климат, многие этого не ценят.. много солнца, песка, рек, мало людей.. Я люблю сюда приезжать в отпуск.

Иван, 42 года

”

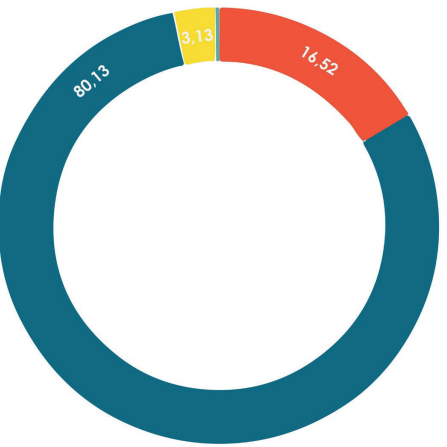
“

Сожалею, что не получилось уехать раньше.

Сергей, 43 года

”

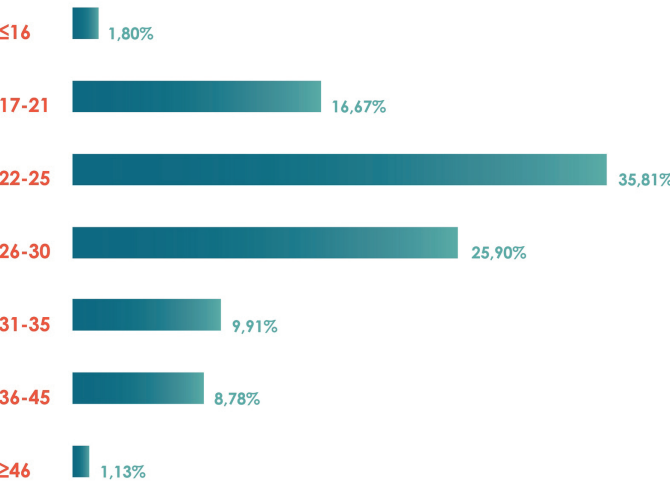
Считаете ли Вы, что решение уехать из Волгограда было **верным**?

да, абсолютно верное решение
скорее верным, чем ошибочным
скорее ошибочным, чем верным
затрудняюсь ответить

вариант «нет, это была ошибка» не выбрал ни один из респондентов

Возраст переезда из Волгограда

В рамках проекта «Волгоградский чемодан» всего было заполнено **466** анкет, из них **448** уникальных. Спасибо тем, кто просто ставил случайный набор символов, с целью увидеть результаты раньше всех (но, результаты были скрыты от любопытных глаз). Значит, это исследование интересно не только нам. Спасибо каждой из **276** девушек и каждому из **171** мужчины, а так же **1** анониму, за то, что поделились с нами своими историями и сопереживаниями!

Перед Вами небольшая подборка тех моментов, которые нам показались интересными. Получайте удовольствие и удивляйтесь вместе с нами!

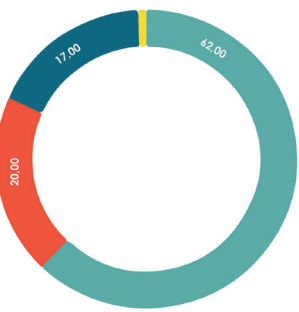
А что об **отъезде из Волгограда** думаете Вы? Ждём Вашего мнения!

Волгоградский чемодан

СКУЧАЮ
ПО ВОЛГЕ!

Урбанистрция

Задумывались ли Вы над **возвращением** в Волгоград?

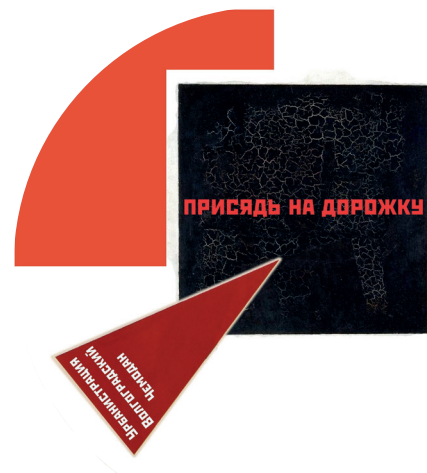

да, до сих пор иногда думаю
раньше да, сейчас уже нет
нет, не припомню такого
никогда

Волгоградский чемодан

СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ,
ФК «РОТОР»

Урбанистрция

Дмитрий Бойко
Андрей Захаров
Валерия Патуева
Александр Зув

VINYL CASE: FACILITATION OF HYPERMOBILITY IN URBAN POLICY

Парадоксы.

В мире, где экзотика стала глобальной, а идентичность клонируемой, миграция и ее особая форма «туризм» перестает быть чем-то топологически драматичным. Гипермобильность преподносится как феномен развития трансконтинентальных коммуникаций — одно из достижений современности — но навсегда останется вечной темой вынужденного перемещения людей в поисках лучшей доли. Одновременно она девальвирует ценность конкретного места, опошляющим жестом подобострастия дела места похожими, вымывая активных и ответственных жителей, предъявляющих свое право на город.

Пытаясь согласовать и канализировать нужным образом эти потоки, города выбрали инструмент Мегасобытий, как самый громкий и информационно насыщенный, но одновременно самый малопргнозируемый по результативности воздействия на городскую среду.

Подготовка к встрече Мегасобытия редко решает поставленные рутинные проблемы: общественные пространства часто радикально преобразуются, доминирующим становится аффект праздника и пиротехнический императив.

Материальность.

Иммерсивная инсталляция возникает как контр-ответ современной городской политики мумификации городских проблем, ставит задачу протестировать, каким на самом деле должен стать любой фрагмент комфортного города: элементарным, мобильным, «нежестким», условным, честным, интерактивным, легко воспроизводимым, актуализирующим ценность. Городское пространство должно ожить для взаимодействия со своими жителями. Как?

Фасилитация среды. Такие элементы городской мебели (и целые пространственные комплексы) помогают выстраиванию групп, организуют «откликающееся» пространство и вовлекают в переживание ценности конкретного места, времени, сюжета и коллектива.

Отношения элементов инсталляции отражает принципы «групповой динамики». Группа элементов (не связанная) может реагировать на контекст входной группы здания, подстраиваясь под любой режим использования: штабелироваться / составлять вместе группу мест для сидений / атомизироваться и рассыпаться по общественному пространству, всегда оставаясь атрибутом всеобщего, подчеркивая важность места и процесса.

Инсталляция имеет переходный характер, находится в зазоре между чисто утилитарным объектом городского благоустройства и элементом, организующим и вовлекающим в экспозиционный дизайн (критика «полезности» актуального искусства). В собранном виде предстает как минималистская композиция (антидизайн). А в случае погружения в коммуникацию со зрителем становится вещью, служащей для него многофункциональной мебелью. Третий зазор — это сама редуцированная форма объекта. В зависимости от контекста взаимодействия она будет нести образ собранного чемодана с вещами или мягкого городского сиденья, или становиться дополнительным пьедесталом и визуальным носителем (documentary art).

Extra.

Взаимодействовать со стационарными инсталляциями, выстраиваться вокруг, создавать пространство созерцания иного или вступать в полное слияние с другой инсталляцией («стол»), открывая возможность непредсказуемых взаимодействий, порождая суперструктуру, воспроизводящую живой город.

Текст — Андрей Захаров

Дарья
Кострицына

Современная нематериальная экономика помещает гостеприимство и радушие в сердце любых маркетинговых стратегий. Нематериальный труд становится все более перформативным и требует подчас недюжинного артистизма, чтобы обволакивающий бархат портьер шаблонных и заученных фраз как можно тщательнее скрывал манипулятивное содержание театральных жестов продавца. Но мы, как посетители магазина, уже знаем все мизансцены наизусть. «Чем я могу Вам помочь?».

Конвейер потребления воспроизводит ритуал. «У нас есть прекрасное предложение для Вас». Одни и те же слова повторяются снова и снова. «Чем хотите себя сегодня порадовать?». Их ценность опадает как осенняя листва. «У вас найдется пара минут свободного времени?». Слова превращаются в обволакивающий снег белого шума.

Озвучание аудиоинсталляции выполнено человеком, в настоящий момент работающим в магазине одежды. Этикетки в инсталляции — это этикетки от одежды, приобретенной художником за последние годы.

Дмитрий Тур

Правила:

1. Следуйте за цифрами.
2. Помните о часах.
3. Старайтесь избегать двойки.

Инсталляция Дмитрия Тура задумана как игра, в которой лишь один участник.

Протагонист — участник — движется внутри сайт-специфической звуковой среды (внутри эмбиентного трека), являясь триггером для музыкантов-осцилляторов. По сути, звук контролирует именно физическое перемещение соучастника. Зритель движется внутри звукового ландшафта и звуковой архитектуры, одновременно формируя их кинестетикой своего тела. Тело запускает алгоритм и работу музыкантов, превращая работу в аудиализацию миграционных передвижений.

«Чужой», вторгшийся в пространство «Своих», вступает с ними в странные взаимоотношения ко-зависимости. Исход определяется лишь импровизацией, волей случая (и не зависящим от нас нарушением запрета) или завершением сеанса.

Правила гостеприимства установлены. Необходимо соблюдать их логику, даже если их смысл нам не очевиден.

УЧАСТНИКИ:

Ольга Душкина - Фонаида
Лариса Кожевникова - вокал
Виктория Колесникова - треугольник
Виолетта Меденцова - скрипка
Алексей Орлов - скрипка
Галина Писарева - флейта
Евгения Шевчук - вокал
туг - шумы

Олеся Стеценко — свет
Стас Азаров - монтаж и оформление

Антон
Капустин

«Пакетная мафия, появившись в России, резко вытеснила традиционные нашему сердцу авоськи. Впихивая в нас пакеты всех мастей, капиталисты и их протеже лишают нас простой свободы. Они превращают наше отечество в химическую помойку. Синтетическое кладбище раскинулось по всем уголкам нашей родины, убивая наших: стерхов, китов, дельфинов, медведей и уссурийских тигров» (Антон Капустин. Из «Манифеста ремонта кульков»).

У каждого из нас есть (был) любимый пакет. С которым мы ходили в школу или университет. В тренажерный зал или на работу. Но рано или поздно любимый пакет рвется, заставляя нас находить ему замену и долго привязываться к новому. «Ремонт кульков» – это сервис нового поколения, существующий в Волгограде уже несколько лет и позволяющий продлить радость сосуществования с любимым средством транспортировки вещей.

Прежде чем изготовление пакетов приобрело массовый характер, люди обращались с ними особенно бережно. Система советского дефицита и, как следствие, бережное отношение к вещам породили ряд взаимосвязанных практик: стирка полиэтиленовых пакетов (желательно, хозяйственным мылом), их сушка и развешивание, хрестоматийный «пакет с пакетами».

Что такое «Ремонт кульков»? Форма самоорганизации? Дадаистская шутка? Причудливый эко-активизм? Ностальгия по возобновляемым и «вечным» советским авоськам? Критика современного потребления?

Как бы то ни было, видеть радость на лицах простых людей, чьи пакеты вернулись в строй, – бесценно.

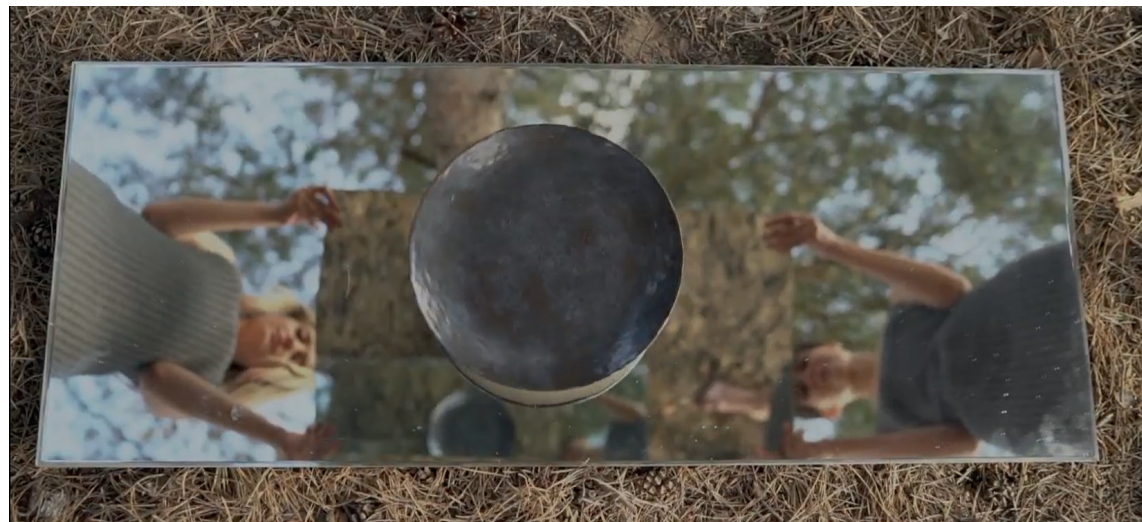

Анастасия Ульяненко
Алена Игумнова

Дарья Кострицына
(видео)

ИСТОРИЯ_1 (Алена Игумнова):
Я родилась не в Волгограде. Я родилась в городе Ленинакан республики Армения.
История не терпит сослагательного наклонения, и неизвестно, как бы сложилась судьба нашей семьи и где бы мы жили сейчас, если бы не произошло это катастрофическое землетрясение.
7 декабря 1988 года серия подземных толчков за 30 секунд практически уничтожила город Спитак (сила землетрясения 10 баллов) и нанесла сильнейшие разрушения городам Ленинакан (9 баллов), Кировакан (8 баллов) и другим. Всего от стихии пострадал 21 город, погибли 21 тыс. человек, 140 тыс. получили инвалидность.
Вот типичная сводка новостей, но всегда за подобным стоит целый разбитый мир, разрушенные земли, поломанные люди. Я была тогда ребенком, и все мои воспоминания, хоть и яркие, но сильно отрывочные: вот начала шататься люстра, посыпались со шкафа шахматы и нарды, вот папа хватает меня и выбегает во двор, вот я стою босиком на лавочке. Как и была дома – в одной футболке: яркой, в оранжевую полоску и с пуговичкой на плече. Почему-то ярче всего в памяти запечатлелась именно футболка. А вокруг меня серое ни-че-го.
В воспоминаниях родителей больше страха, ответственности, иногда оцепенения. Люди выбегали из дома, кто в чем был: кто-то в ночной сорочке, большинство – без обуви. Все стояли посередине двора и прощались друг с другом. Дом рухнул

бесшумно, только гул земли и пыль, пыль, пыль.
Масштаб произошедшего осознается много позже. Сколько горя это принесло, и как повезло, что в нашей семье все остались живы. Это чудо, случайность или закономерность?
Для меня, спустя десятилетия, в осознании этого больше вопросов, чем ответов. А если я родилась в стране, которой больше нет, и в городе, который больше не существует?
ИСТОРИЯ_2 (Анастасия Ульяненко):
Мне кажется, что детство мне приснилось. Я не могу пройти по местам, где это было. Я не уверена что вообще когда-нибудь смогу это сделать. И даже не знаю, действительно ли я хочу этого.
Наверное, такие ощущения знакомы тем людям, которые родились и росли в другой стране.
Мы улетели с мамой из Душанбе последним самолетом: улетели от войны. Папа уже ждал нас в Волжском. В шесть лет я узнала, что такое «комендантский час». Помню, как мама боялась брать в руки винтовку, которую папа оставлял дома, пока сам был в эпицентре событий – охранял президента республики как сотрудник МВД. Помню, как с бабушкой и дедушкой прятались в ванной, когда на улице стрельба шла с обеих сторон дома. Но мне не было страшно. Они жили в прекрасном доме, в самом центре. В ноябре 2017 года мы узнали, что этот дом снесли. Двора моего

детства больше нет, даже если захочу — больше не увижу его.

В Волжском я пошла в первый класс. И очень стыдилась того, что мы беженцы. Когда я перешла учиться в другую школу, то не подняла руку, когда составляли список льготников на питание в столовой. Мне было стыдно.

Меня до сих пор спрашивают «не таджичка ли я». Нет. Мало кто и сейчас знает, что в Таджикистане после распада СССР началась гражданская война. Все мои родные приехали в Таджикистан из России «поднимать» республику. Моя бабушка поехала работать в Таджикистан агрономом по распределению после окончания института в Ленинграде. Позже она стала начальником отдела международных выставок в Министерстве сельского хозяйства. В Волжском при получении российского гражданства у нее спросили, умеет ли она писать...

Историческая Родина не оказалась гостеприимной к нам, как и ко многим другим русским беженцам. Азиатское же гостеприимство особое, оно не требует ничего взамен. Перестроиться сложно.

Через много лет я получила письмо от одноклассника, который оказался в командировке в Таджикистане. Это было письмо полное восторга и восхищения перед страной, в которой он оказался. Очень долго на его странице висел статус: «Таджикистанцы — лучшие люди».

Истории двух художников — это очень редкие, но безгранично ценные для нас истории про то, где «порвалось». Об утрате дома. Нет не только дома, но и страны

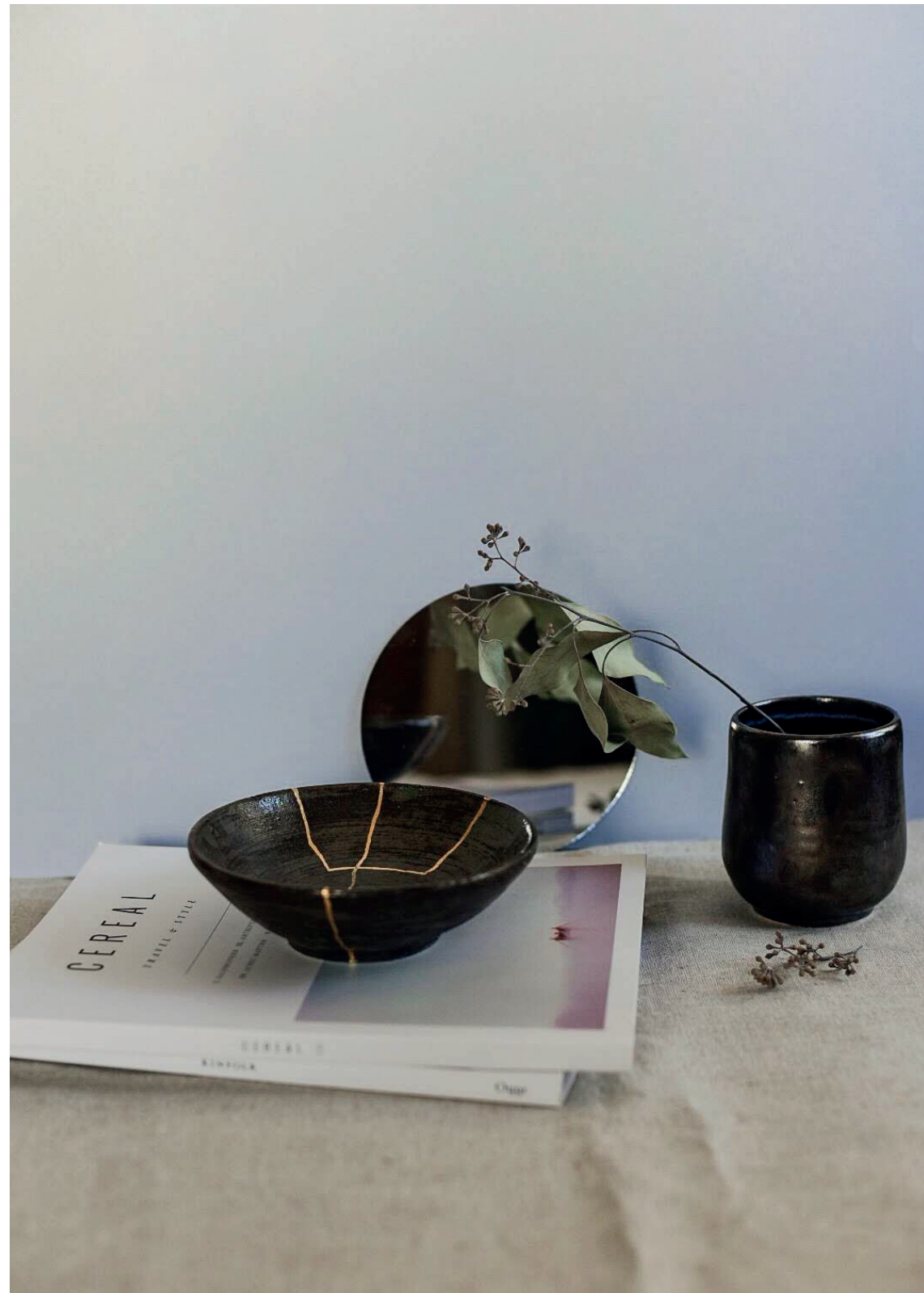

и, как в ситуации с Аленой, целого города. Это истории о долгом пути к обретению нового дома. На этом пути — нечеловеческие испытания: стереотипы, бюрократические машины, цинизм, шовинизм, стигматизация, пренебрежение и отвращение. Но самое страшное испытание — работа забвения. Дом и детство рассыпались, и все доказательства пережитого опыта отсутствуют.

Понятие «кинцуги» (золотая заплатка/золотой шов) близко к философии ваби-саби — принятие недостатков и изъянов. Подлинное научение ваби-саби происходит через осознание трех простых фактов: ничто не вечно, ничто не закончено и ничто не совершенно. Кинцуги — это искусство, необычное тем, что выпячивает и подает как философскую систему то, что обычно принято скрывать.

Восстановленные вещи обретают историю и новую красоту. Вещи выигрывают и с практической точки зрения — можно продолжать ими пользоваться, и с эстетической — выделяет трещины и следы ремонта в контексте продолжения, а не окончания ее жизни. Это еще и отражение нашей жизни. В превратностях судьбы мы также получаем «трещины», «сколы». Мы их залечиваем, трансформируем себя. Каждый переломный случай является неотъемлемой частью нашей жизни, и хорошо, если он превратился в такой «золотой шов».

Мы окружены такими же разбитыми чашами и, если нам не видно швов, к сожалению, это не значит, что их нет.

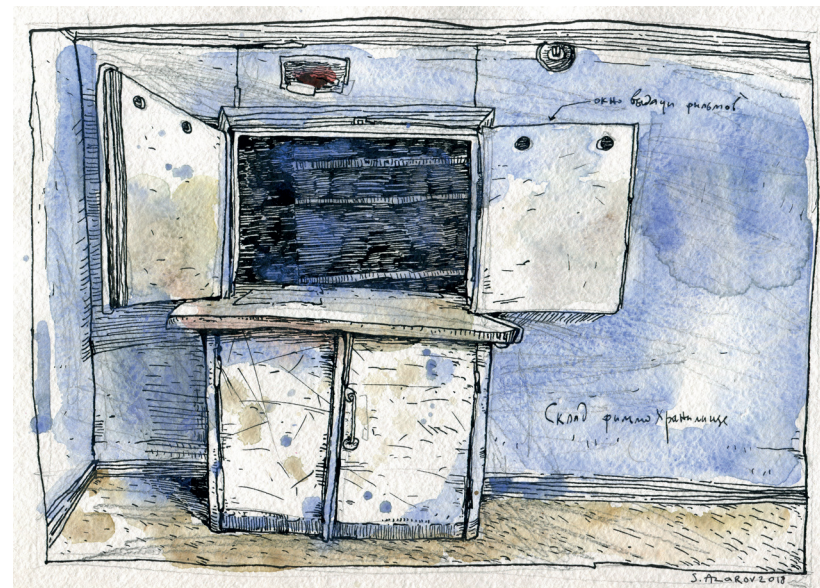
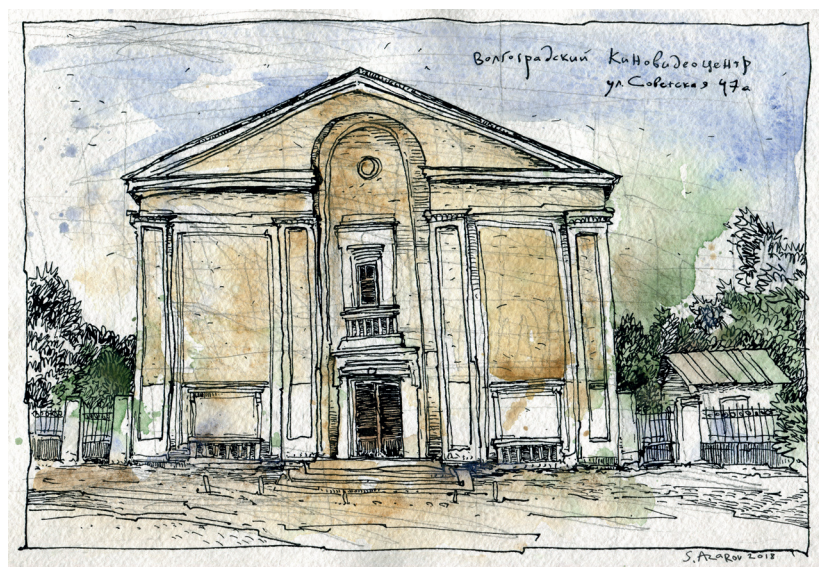
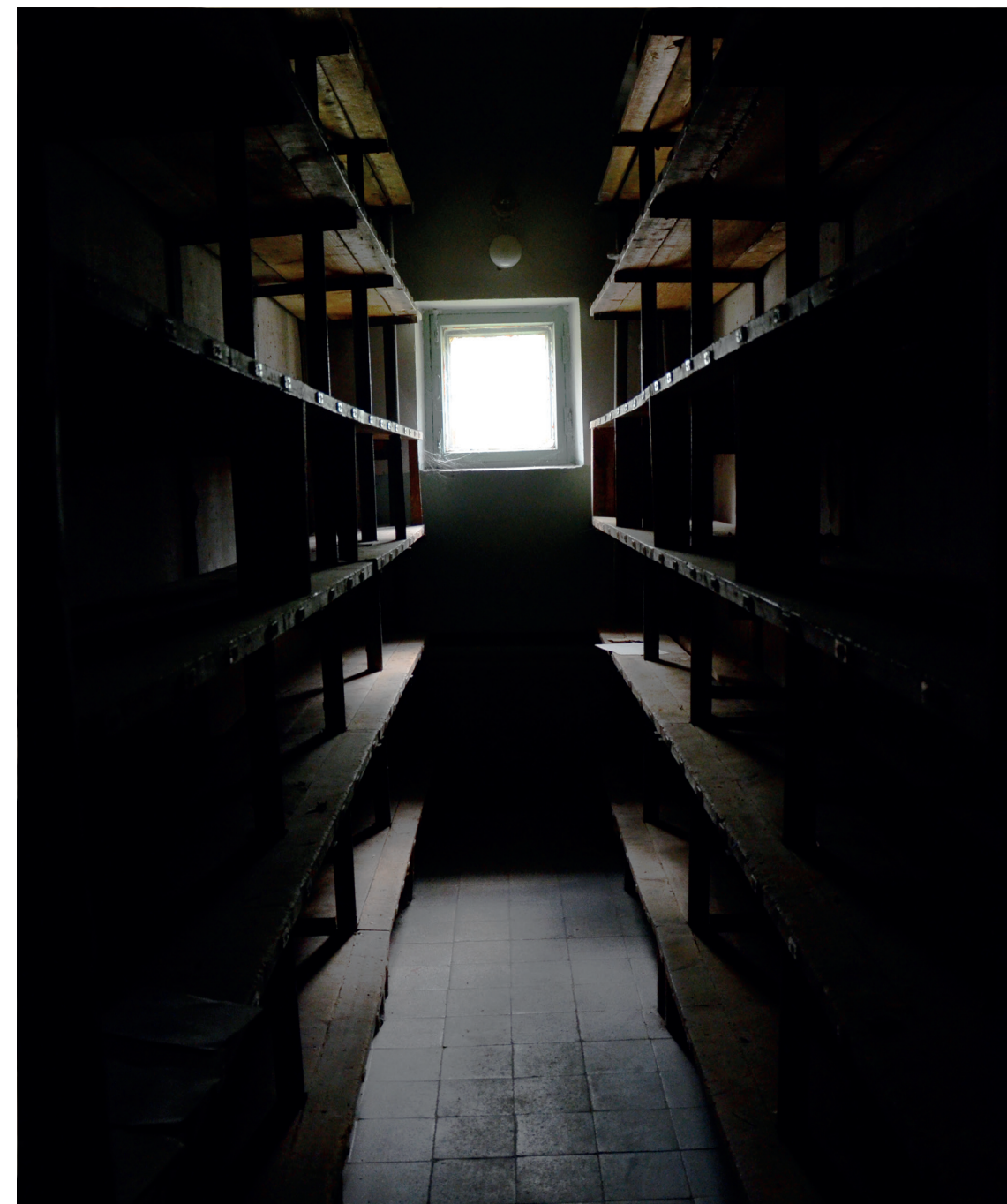

Станислав
Азаров

Площадкой проекта этого года стало здание бывшего Волгоградского областного Киновидеоцентра (кинозал «Шанс») – большого пустующего здания в центре города.

Киновидеоцентр был закрыт три года назад. Формально институция была поглощена другим учреждением культуры вследствие отсутствия средств в областном бюджете на поддержание работы учреждения. Под официальным термином «ре-структуризация» скрывается полное уничтожение огромного фильмофонда в 3000 наименований: фильмы были переданы на переработку специализированной организации, которая из пленки вырабатывает серебро. Коллектив был сокращен с 38 до 6 человек, а организация лишилась здания, которое занимала с 1950-х гг.

В настоящий момент здание не используется. Пустые панцири кое-где лежащих боксов от пленки, единичные карточки учета фильмохранения да сама архитектура здания подсказывают, что раньше происходило в тех или иных помещениях. Графические работы Азарова больше не о реконструкции жизни уютного желтого дома и его обитателей, сколько о поэтике заброшенных пространств: в одиночестве переходя из помещения в помещение, художник фантазирует о том, что видит, и тщательно фиксирует то, что скоро может быть уничтожено безвозвратно.

Вираг Майор
Ханна Марквардт
Кристине Ран

О семинаре:
Наши общества постоянно формируются миграционными движениями, межкультурным обменом и процессами диверсификации, особенно в пограничных и транзитных регионах, таких как Северный Кавказ и Северная Осетия с ее столицей Владикавказ.

Тем не менее, реальность происходящих процессов трансформации нередко вызывает дисбалансы и двусмысленности в разных измерениях: в общественной сфере и повседневном взаимодействии. В этой связи распространенные практики гостеприимства служат решающим культурным методом в преодолении границ по пути к открытому и инклюзивному обществу. Особенно на Северном Кавказе хорошо известны яркие формы гостеприимства и дружелюбия: такие как осетинское застолье и культ Уастырджи (гость становится сакральной фигурой в осетинской культуре) или феномен куначества в Дагестане.

В рамках семинара участники изучили практики совместного существования и солидарности. Как мы можем поддерживать друг друга, чтобы обеспечить равный доступ и участие в общественной жизни? Как мы можем действовать сообща и строить устойчивые равноправные взаимоотношения? Как мы можем избежать воспроизведения властных отношений и иерархий, не низводя незнакомца к Другому? Где граница между гостеприимством и враждебностью? Какие властные отношения присущи взаимодействию между хозяином, который радуется гостю гостеприимством,

и гостем, который зависит от воли и милости хозяина?

Отдельно мы поговорили о том, как современное искусство может способствовать сплочению и социальным изменениям в обществах, в которых миграция и разнообразие являются их неотъемлемой частью.

Семинар связан с международной платформой для обмена и совместной работы «ART MATTERS», посвященной восходящему и горизонтальному (peer-to-peer) обучению в сфере современного искусства и культуры в постмиграционных обществах. Платформа возникла в Берлине в 2017 году при участии представителей из всей Европы. Семинар начался с импульсивного доклада, дающего представление о работе «ART MATTERS».

О ведущих семинара:

Вираг Майор — независимый куратор и менеджер в сфере культуры, базирующийся в Берлине. Она работала на международном уровне в области современного искусства: в Центре современной архитектуры в Будапеште, в кураторском отделе ДОКУМЕНТА (13), в музее Вазарели, в Музее изобразительных искусств в Будапеште. Сфера ее интересов — художественное образование, неформальное обучение, а также подходы, основанные на соучастии, процессуальных и социальных аспектах. Ее текущими проектами являются: проект «ART MATTERS», в котором рассматри-

КУЛЬТУРА ГОСТЕПРИИМСТВА И ВОПРОСЫ ИСКУССТВА

HOSPITALITY CULTURE AND ART MATTERS

семинар
27 июня 2018, 12:00
Владикавказ, ул. Церетели, 16
Исторический факультет СОГУ
аудитория 402

ведущие семинара:
Кристине Ран
Ханна Марквардт
Вираг Майор

ваются художественные практики в постмиграционных обществах; «Школа свободной печати» — долгосрочный неформальный образовательный проект в Венгрии на основе методов реформационной педагогики Целестин Фрейнет. Вигар является членом правления сети менеджеров культуры Фонда Роберта Боша и проводит последипломные исследования в Академии изящных искусств в Лейпциге.

Ханна Марквардт — менеджер в сфере культуры в Берлине, эксперт в области культурной антропологии с акцентом на исследования миграций. Получила степень магистра наук в области европейской этнологии, гендерных исследований и коммуникаций в Берлинском университете Гумбольдта и Istituto L'Orientale в Неаполе. Ее работа в течение последних 10 лет всегда была тесно связана с темой миграции и ее воздействия на современные городские сообщества. Ханна работает в области искусства и науки, перформативных искусств, кино, изобразительного искусства, социологии и антропологии. Уже несколько лет она также работает кинорежиссером. Ханна координировала и руководила проектами в области «искусства сообществ» при участии мигрантов и беженцев. В течение последних двух лет она координировала многочисленные программы с и для переселенцев в Германии в Ассоциации мигрантов. В течение нескольких лет она продюсировала и режиссировала несколько документальных и художественных фильмов вместе с молодыми людьми — представителями различных национальностей и культурных традиций. Она жила и

работала в Германии, Италии, Боснии и Сербии.

Кристине Ран является куратором, проектным менеджером и фасилитатором в проектах в области современного искусства, способствующих культурному обмену и построению сообществ. Окончила специальности по направлениям история искусства, культурология и журналистика в Лейпцигском университете, жила в Германии, Франции и Чехии, а на сегодняшний момент — в Берлине. В настоящее время она является одним из инициаторов «ART MATTERS» и работает для трансграничного сотрудничества в области культуры между Дрезденом (Германия) и Устьюнад-Лабем (Чехия). Ранее она была соавтором «Критической студии» о миграции и мобильности художников в «MeetFactory» в Праге и работала в Доме Искусств города Брно и «4AM» — Форуме по архитектуре и медиа, организовывающем выставки. Кристине основала и руководила программой арт-резиденции «BLUMEN» в Лейпциге, руководила исследовательскими программами в Одессе, Стамбуле, Афинах и Дакаре. Кроме того, она была вовлечена в работу галерей (например, «Klosterfelde Edition» в Берлине и «Джоселин Вольф» в Париже). В России она участвовала в проекте «Re-Opening the Public» в Волгограде и Челябинске.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ КУРАТОРА.....	4
ОТКРЫТИЕ.....	6
ТРАПЕЗА.....	8
ВТОРЖЕНИЕ ТВАРЕЙ.....	12
НОСТАЛЬГИЯ.....	14
ШРИФТ.....	16
ЗАПАСНОЙ ВЫХОД №2.....	18
ЗА ОСТАНОВКУ ВРЕМЕНИ.....	20
ОСТОРОЖНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.....	22
WELL COME: HOSPES/HOSTIS.....	24
ПОГРАНИЧНОЕ СОСТОЯНИЕ.....	26
ИНОРОДНОЕ ТЕЛО.....	28
ТЕМНЫЙ УГОЛ.....	30
ОЧАГ.....	32
ГРАНИЦА ПОРЯДКА.....	34
МОНУМЕНТ ПЕРЕКАТИ-ПОЛЮ.....	36
ЧЕМ БОГАТЫ.....	40
СЕРВАНТ.....	42
АРХИВ ВЫБРОШЕННЫХ ЛЮДЕЙ	44
ВОЛГОГРАДСКИЙ ЧЕМОДАН.....	46
ИСКУШЕНИЕ.....	50
КОМНАТА КРАСАВИЦЫ ФОНИАДЫ.....	52
#РЕМОНТ_КУЛЬКОВ.....	54
ЗОЛОТОЙ ШОВ.....	56
ОТКРЫТКИ.....	60

Официальные группы проекта:

ВК - <http://vk.com/publicartvlg>
FB - <https://www.facebook.com/groups/publicartvlg>
Хэштег - #publicartvlg

Составитель:

Антон Вальковский

Афиша:

Антон Величко

Макет, верстка:

Анастасия Ульяненко

Редактор:

Надежда Стародубцева

Фотографии:

Алена Алексеева (Зими́на)
Сергей Алов
Митя Зимин
Катя Фаренгейт
Гала Измайлова

**Выражаем большую признательность тем,
кто помогал нам в реализации проекта:**

Надежда Стародубцева
Виктория Демьяновская
Алина Балакина
Алена Бахарева
Елизавета Момотова
Сидорова Ксения

